

Предисловие «Полки»

*Великая поэма, праздник нелепости и гротеска,
от которой парадоксальным образом
отсчитывают историю русского реализма.
Задумав трехчастное произведение по образцу
«Божественной комедии», Гоголь успел
завершить только первый том — в котором
ввел в литературу нового героя, дельца и плута,
и создал бессмертный образ России как птицы-
тройки, несущейся в неизвестном направлении.*

Варвара Бабицкая

В губернский город N. приезжает отставной чиновник Павел Иванович Чичиков, человек, лишенный отличительных черт и всем приходящийся по нраву. Очаровав губернатора, городских чиновников и окрестных помещиков, Чичиков начинает объезжать последних с загадочной целью: он скупает мертвые души, то есть умерших недавно крепостных, которые еще не внесены в ревизскую сказку^{*1} и потому формально считаются живыми. Навестив последовательно карикатурных — каждый в своем роде — Собакевича, Манилова, Плюшкина, Коробочку и Ноздрева, Чичиков оформляет купчие и готовится довести до конца свой таинственный план, но к концу первого (и единственного заверщенного) тома поэмы в городе N. сгущаются какие-то хтонические силы, разражается скандал, и Чичиков, по формулировке Набокова, «покидает город на крыльях одного из тех восхитительных лирических отступлений... которые писатель всякий раз размещает между деловыми встречами персонажа». Так заканчивается первый том поэмы, задуманной Гоголем в трех частях; третий том так и не был написан, а второй Гоголь сжег — сегодня нам доступны только его реконструкции по сохранившимся отрывкам, причем в разных редакциях, поэтому, говоря о «Мертвых душах», мы подразумеваем в общем случае только первый их том, заверченный и опубликованный автором.

В знаменитом письме к Пушкину в Михайловское от 7 октября 1835 года Гоголь просит у поэта «сюжет для комедии», чему был успешный прецедент — интрига «Ревизора» тоже выросла из анекдота, рассказанного поэтом. К этому времени, однако, у Гоголя написаны уже три главы будущей поэмы (их содержание неизвестно, поскольку автограф не сохранился) и, главное, придумано название «Мертвые души».

«Мертвые души» задумывались как сатирический плутовской роман, парад злых карикатур, — как писал Гоголь в «Авторской исповеди», «если бы кто видел те чудовища, которые выходили из-под пера моего вначале для меня самого, он бы точно содрогнулся». Во всяком случае содрогнулся Пушкин, который слушал в авторском чтении первые главы в ранней, не дошедшей до нас редакции, и воскликнул: «Боже, как грустна наша Россия!»¹ Таким образом, хотя впоследствии поэма Гоголя приобрела репутацию гневного приговора российской действительности, на самом деле мы имеем дело уже с добрыми, милыми «Мертвыми душами».

Постепенно идея Гоголя изменилась: он пришел к выводу, что «многие из гадостей не стоят злобы; лучше показать всю ничтожность их...», а главное, вместо случайных уродств решил изобразить «одни те, на которых заметней и глубже отпечатались истинно русские, коренные свойства наши»², показав именно национальный характер и в хорошем, и в плохом. Сатира

^{*1} Документ с результатами переписи податного населения, проводившейся в России в XVIII и первой половине XIX века. В сказках указывались имя, отчество, фамилия, возраст владельца двора и членов его семьи. Всего было проведено десять таких ревизий.

превратилась в эпос, поэму в трех частях. План ее был составлен в мае 1836 года в Санкт-Петербурге; 1 мая 1836-го там состоялась премьера «Ревизора», а уже в июне Гоголь уехал за границу, где провел с небольшими перерывами следующие 12 лет. Первую часть своего главного труда Гоголь начинает осенью 1836 года в швейцарском городе Веве, переделывает все начатое в Петербурге; оттуда он пишет Жуковскому о своем произведении: «Вся Русь явится в нем!» — и впервые называет его поэмой. Работа продолжается зимой 1836/37 года в Париже, где Гоголь узнает о гибели Пушкина — с этих пор в своем труде писатель видит нечто вроде пушкинского духовного завещания. Первые главы поэмы Гоголь читает знакомым литераторам зимой 1839/40 года, во время недолгого приезда в Россию. В начале 1841-го закончена почти полная редакция «Мертвых душ», но Гоголь продолжает вносить изменения вплоть до декабря, когда он приехал в Москву хлопотать о публикации (последующие правки, внесенные по цензурным соображениям, в современных изданиях обычно не отражены).

КАК ОНА НАПИСАНА?

Самая яркая черта Гоголя — его буйное воображение: все вещи и явления представлены в гротескных масштабах, случайная ситуация оборачивается фарсом, мимоходом оброненное слово дает побег в виде развернутого образа, из которого более экономный писатель мог бы сделать целый рассказ. «Мертвые души» во многом обязаны комическим эффектом наивному и важному рассказчику, который с невозмутимой обстоятельностью описывает

в мельчайших подробностях сухую чепуху. Пример такого приема — «удивительный в своем нарочитом, монументально величавом идиотизме разговор о колесе»³ в первой главе поэмы (этот прием, страшно смешивший его друзей, Гоголь использовал и в устных импровизациях). С этой манерой резко контрастируют лирические отступления, где Гоголь переходит к поэтической риторике, немало взявшей у святых отцов и расцвеченной фольклором. Считается, что из-за своей насыщенности язык Гоголя «непереводимее всякой другой русской прозы»⁴.

Анализируя гоголевские нелепицы и алогизмы, Михаил Бахтин использует термин «кокаланы» (*coq-à-l'âne*), буквально означающий «с петуха на осла»⁵, а в переносном значении — словесную бессмыслицу, в основе которой лежит нарушение устойчивых семантических, логических, пространственно-временных связей (пример кокалана — «в огороде бузина, а в Киеве дядька»). Элементы «стиля кокалан» — божба и проклятия, пиршественные образы, хвалебно-бранные прозвища, «непубликуемые речевые сферы». И действительно, такие простонародные выражения, как «фетюк, галантерейный, мышинный жеребенок, кувшинное рыло, бабёшка», многие современные Гоголю критики находили неудобопечатными. Оскорбляли их и сведения о том, что «бестия Кувшинников ни одной простой бабе не спустит», что «он называет это попользоваться насчет клубнички»; писатель и критик Николай Полевой сетует на «слугу Чичикова, который провонял и везде носит с собою вонючую атмосферу; на каплю, которая капает из носа мальчишки в суп; на блох, которых не вычесали у щенка... на Чичикова,

который спит нагой; на Ноздрева, который приходит в халате без рубашки; на щипанье Чичиковым волосов из носа»⁶. Все это в изобилии является на страницах «Мертвых душ» — даже в самом поэтическом пассаже о птице-тройке рассказчик восклицает: «Черт побери все!» Примерам пиршественных сцен нет числа — что обед у Собакевича, что угощение Коробочки, что завтрак у губернатора. Любопытно, что в своих суждениях о художественной природе «Мертвых душ» Полевой фактически предвосхитил теории Бахтина (хотя и оценочно-отрицательно): «Если и допустим в низший отдел искусства грубые фарсы, итальянские буффонады, эпические поэмы наизнанку (travesti), поэмы вроде “Елисея” Майкова, можно ли не пожалеть, что прекрасное дарование г-на Гоголя тратится на подобные создания!»⁷

ЧТО ПОВЛИЯЛО НА АВТОРА КНИГИ?

Творчество Гоголя поразило современников оригинальностью — никакие прямые претексты ему не приискивались ни в отечественной словесности, ни в западной, что отметил, например, Герцен: «Гоголь полностью свободен от иностранного влияния; он не знал никакой литературы, когда сделал уже себе имя»⁸. И современники, и позднейшие исследователи рассматривали «Мертвые души» как равноправный элемент мирового литературного процесса, проводя параллели с Шекспиром, Данте, Гомером; Владимир Набоков сравнивал поэму Гоголя с «Тристрамом Шенди» Лоренса Стерна, джойсовским «Улиссом» и «Портретом» Генри Джеймса. Михаил

Бахтин упоминает⁹ о «прямом и косвенном (через Стерна и французскую натуральную школу) влиянии Рабле на Гоголя», в частности усматривая в структуре первого тома «интереснейшую параллель к четвертой книге Рабле, то есть путешествию Пантагрюэля».

Дмитрий Святополк-Мирский отмечает в творчестве Гоголя влияние традиции украинского народного и кукольного театра, казацких баллад («дум»), комических авторов — от Мольера до водевилистов 1820-х годов, романа нравов, Стерна, немецких романтиков, особенно Тика и Гофмана (под влиянием последнего Гоголь написал еще в гимназии поэму «Ганц Кюхельгартен», которая была уничтожена критикой, после чего Гоголь выкупил и сжег все доступные экземпляры), французского романтизма во главе с Виктором Гюго, Жюлем Жаненом и их общим учителем Чарльзом Мэтьюрином, «Илиады» в переводе Гнедича. Но все это, заключает исследователь, «только детали целого, столь оригинального, что этого нельзя было ожидать». Русские предшественники Гоголя — Пушкин и особенно Грибоедов (в «Мертвых душах» множество косвенных цитат из «Горя от ума», например обилие закадровых и бесполезных для сюжета персонажей, прямо заимствованные ситуации, просторечие, которое и Грибоедову, и Гоголю критики ставили в упрек).

Очевидна параллель «Мертвых душ» с «Божественной комедией» Данте, трехчастную структуру которой, по авторскому замыслу, должна была повторять его поэма. Сравнение Гоголя с Гомером после ожесточенной полемики стало общим местом уже в гоголевские времена, однако тут уместнее вспомнить не «Илиаду»,

а «Одиссею» — странствие от химеры к химере, в конце которого героя ждет, как награда, домашний очаг; своей Пенелопы у Чичикова нет, но «о бабенке, о детской» он мечтает нередко. «Одиссею» в переводе Жуковского Гоголь, по воспоминаниям знакомых, читал им вслух, восхищаясь каждой строчкой.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Не без цензурных проволочек. Вообще, отношения Гоголя с цензурой были довольно двусмысленными — так, «Ревизора» допустил к постановке лично Николай I, на которого Гоголь и впоследствии рассчитывал в разных смыслах, даже просил (и получил) материальное вспомоществование на правах первого русского писателя. Тем не менее о «Мертвых душах» пришлось хлопотать: «Никогда, может быть, не употребил Гоголь в дело такого количества житейской опытности, сердцеведения, заискивающей ласки и притворного гнева, как в 1842 году, когда приступил к печатанию “Мертвых душ”»¹⁰, — вспоминал позднее критик Павел Анненков.

На заседании московского цензурного комитета 12 декабря 1841 года «Мертвые души» были поручены заботам цензора Ивана Снегирёва, который сперва нашел произведение «совершенно благонамеренным»¹¹, но затем почему-то побоялся пропустить книгу в печать самостоятельно и передал ее на рассмотрение коллегам. Тут сложности вызвало прежде всего само название, означавшее, по мнению цензоров, безбожие (ведь душа человеческая бессмертна) и осуждение крепостного

права (в действительности Гоголь никогда не имел в виду ни того ни другого). Опасались также, что афера Чичикова подаст дурной пример. Столкнувшись с запретом, Гоголь забрал рукопись из московского цензурного комитета и через Белинского послал в Петербург, попросив при этом похлопотать князя Владимира Одоевского, Вяземского и своего доброго друга Александру Смирнову-Россет. Петербургский цензор Александр Никитенко отнесся к поэме восторженно, однако счел совершенно непроходной «Повесть о капитане Копейкине»¹². Гоголь, исключив дороживший «Повестью» и не видевший смысла печатать поэму без этого эпизода, значительно ее переделал, убрав все опасные места, и наконец получил разрешение. «Повесть о капитане Копейкине» печаталась до самой революции в цензурированной версии; из существенных цензурных правок следует упомянуть еще название, которое Никитенко изменил на «Похождения Чичикова, или Мертвые души», сместив таким образом акцент с сатиры на плутовской роман.

Первые экземпляры «Мертвых душ» вышли из типографии 21 мая 1842 года, уже через два дня Гоголь отбыл за границу¹³.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

С практически единодушным восторгом. У Гоголя вообще была удивительно счастливая писательская судьба: ни одного другого классика так не ласкал русский читатель. С выходом первого тома «Мертвых душ» культ Гоголя окончательно утвердился в русском обществе, от Николая I до рядовых читателей и литераторов всех лагерей.

Молодой Достоевский знал «Мертвые души» наизусть. В «Дневнике писателя» он рассказывает, как «пошел... к одному из прежних товарищей; мы всю ночь проговорили с ним о “Мертвых душах” и читали их, в который раз не помню. Тогда это бывало между молодежью; сойдутся двое или трое: “А не почитать ли нам, господа, Гоголя!” — садятся и читают, и пожалуй, всю ночь». В моду вошли гоголевские словечки, молодежь стриглась «под Гоголя» и копировала его жилетки. Музыкальный критик, искусствовед Владимир Стасов вспоминал, что появление «Мертвых душ» стало событием необычайной важности для учащейся молодежи, толпой читавшей поэму вслух, чтобы не спорить об очереди: «...Мы в продолжение нескольких дней читали и перечитывали это великое, неслыханно оригинальное, несравненное, национальное и гениальное создание. Мы были все точно опьянелые от восторга и изумления. Сотни и тысячи гоголевских фраз и выражений тотчас же были всем известны наизусть и пошли в общее употребление»¹⁴.

Впрочем, по поводу гоголевских словечек и фраз мнения разнились. Бывший издатель «Московского телеграфа» Николай Полевой был оскорблен выражениями и реалиями, которые сейчас выглядят совершенно невинно: «На каждой странице книги раздаются перед вами: подлец, мошенник, бестия... все трактирные поговорки, брани, шуточки, всё, чего можете наслушаться в беседах лакеев, слуг, извозчиков»; язык Гоголя, утверждал Полевой, «можно назвать собранием ошибок против логики и грамматики...»¹⁵. С ним был согласен одиозный критик Фаддей Булгарин: «Ни в одном русском сочинении нет столько безвкусыя, грязных картин

и доказательств совершенного незнания русского языка, как в этой поэме...»¹⁶ Белинский возразил на это, что хотя язык Гоголя «точно неправилен, нередко грешит против грамматики», зато «у Гоголя есть нечто такое, что заставляет не замечать небрежности его языка — есть слог», и уколол чопорного читателя, который оскорбляется в печати тем, что свойственно ему в жизни, не понимая «поэмы, основанной на пафосе действительности, как она есть»¹⁷. С подачи Белинского, литературного законодателя 1840-х годов, Гоголь был признан первым русским писателем — долгое время все свежее и талантливое, что произрастало после него в литературе, автоматически относилось критиками к гоголевской школе.

До появления «Мертвых душ» положение Гоголя в литературе было еще невнятно — «ни один поэт на Руси не имел такой странной судьбы, как Гоголь: в нем не смели видеть великого писателя даже люди, знавшие наизусть его творения»¹⁸; теперь же он перешел из разряда комических писателей в статус несомненного классика.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Гоголь стал как бы прародителем всей новой литературы и яблоком раздора для литературных партий, которые не могли поделить между собой главного русского писателя. В год выхода поэмы Герцен писал в дневнике: «Толки о “Мертвых душах”»¹⁹. Славянофилы и антиславянисты разделились на партии. Славянофилы №1 говорят, что это апотеоза Руси, “Илиада” наша, и хвалят, след., другие бесятся, говорят, что тут анафема Руси и за то ругают.

Обратно тоже раздвоились антиславянисты. Велико достоинство художественного произведения, когда оно может ускользать от всякого одностороннего взгляда». Сергей Аксаков, оставивший о Гоголе обширные и чрезвычайно ценные мемуары и побудивший к тому же других сразу после смерти писателя, преувеличивает близость Гоголя к славянофилам и умалчивает о взаимоотношениях Гоголя с Белинским и его лагерем (впрочем, Гоголь и сам старался не ставить Аксакова в известность об этих отношениях). Белинский не отставал: «Влияние Гоголя на русскую литературу было огромно. Не только все молодые таланты бросились на указанный им путь, но и некоторые писатели, уже приобретшие известность, пошли по этому же пути, оставивши свой прежний. Отсюда появление школы, которую противники ее думали унижить названием натуральной»²⁰. Достоевский, Григорович, Гончаров, Некрасов, Салтыков-Щедрин — трудно вспомнить, на кого из русских писателей второй половины XIX века Гоголь не повлиял.

Вслед за потомком эфиопов Пушкиным, выходец из Малороссии Гоголь надолго стал главным русским писателем и пророком. Художник Александр Иванов изобразил Гоголя на знаменитом полотне «Явление Христа народу» в виде фигуры, стоящей ближе всех к Иисусу. Уже при жизни Гоголя и вскоре после его смерти появились немецкий, чешский, английский, французский переводы поэмы.

В 1920–1930-е годы «Мертвые души» адаптировал Михаил Булгаков. В его фельетоне «Похождения Чичикова» герои поэмы Гоголя оказывались в России 1920-х годов и Чичиков делал головокружительную карьеру, становясь миллиардером. В начале

1930-х пьеса Булгакова «Мертвые души» с успехом шла во МХАТе; был им создан и киносценарий, никем, правда, не использованный. Гоголевская поэма отозвалась в литературе и более косвенно: скажем, стихотворение Есенина «Не жалею, не зову, не плачу» (1921) написано под впечатлением от лирического вступления к шестой — плюшкинской — главе «Мертвых душ», в чем признавался сам поэт (на это намекают строки «О, моя утраченная свежесть» и «Я теперь скупее стал в желаньях»).

Имена некоторых гоголевских помещиков стали нарицательными: в «маниловском прожектерстве» обвинял народников Ленин, Маяковский озаглавил стихотворение о жадном обывателе «Плюшкин». Пассаж о птице-тройке школьники десятилетиями учили наизусть.

Экранизирована поэма Гоголя была впервые еще в 1909 году в ателье Ханжонкова; в 1960 году фильм-спектакль «Мертвые души» по пьесе Булгакова снял Леонид Трауберг; в 1984 году пятисерийный фильм с Александром Калягиным в главной роли снял Михаил Швейцер. Из недавних интерпретаций можно вспомнить «Дело о “Мертвых душах”» режиссера Павла Лунгина и громкую театральную постановку Кирилла Серебренникова в «Гоголь-центре» в 2013 году.

БЫЛА ЛИ АФЕРА ЧИЧИКОВА ОСУЩЕСТВИМА НА ПРАКТИКЕ?

Каким бы фантастическим ни казалось предприятие с «мертвыми душами», оно было не только осуществимо, но формально не нарушало законов и даже имело прецеденты.

Умершие крепостные крестьяне, числящиеся за помещиком по ревизской сказке, для государства были живыми до следующей переписи и облагались подушным налогом. Расчет Чичикова был в том, что помещики будут только рады избавиться от уплаты лишнего налога и уступят ему за гроши мертвых (но на бумаге живых) крестьян, которых он затем сможет заложить. Единственная заминка состояла в том, что крестьян нельзя было ни купить, не заложить без земли (это, возможно, анахронизм: такая практика была запрещена только в 1841 году, а действие первого тома «Мертвых душ» разворачивается десятилетием раньше), но Чичиков разрешил ее легко: «Да ведь я куплю на вывод, на вывод; теперь земли в Таврической и Херсонской губерниях отдаются даром, только заселяй».

Сюжет поэмы, подаренный Гоголю Пушкиным (как пишет Гоголь в «Авторской исповеди»), был взят из реальной жизни. Литературовед Петр Бартенев в примечании к воспоминаниям Владимира Соллогуба пишет: «В Москве Пушкин был с одним приятелем на бегу. Там был также некто П. (старинный франт). Указывая на него Пушкину, приятель рассказал про него, как он скупил себе мертвых душ, заложил их и получил большой барыш. Пушкину это очень понравилось. “Из этого можно было бы сделать роман”, — сказал он между прочим. Это было еще до 1828 года»²¹.

На это мог наложиться и другой сюжет, заинтересовавший Пушкина во время его пребывания в Кишиневе. В Бессарабию в начале XIX века массово бежали

Петр Боклевский. Чичиков. Иллюстрация к «Мертвым душам». 1895 год

крестьяне. Чтобы скрыться от полиции, беглые крепостные часто принимали имена умерших. Особенно славился такой практикой город Бендеры, чье население называли «бессмертным обществом»: в течение многих лет там не было зарегистрировано ни единого смертного случая. Как показало расследование, в Бендерах было принято за правило: умерших «из общества не исключать», а их имена отдавать новопривывшим беглым крестьянам.

Вообще мошенничества с ревизскими списками были нередки. Дальняя родственница Гоголя Марья Григорьевна Анисимо-Яновская была уверена, что идею поэмы подал писателю ее собственный дядя Харлампий Пивинский. Имея пятерых детей и при этом всего 200 десятин^{*1}

^{*1} Десятина — единица земельной площади, равна 1,09 гектара. 200 десятин составляют 218 гектаров.

земли и 30 душ крестьян, помещик сводил концы с концами благодаря винокурне. Вдруг прошел слух, что курить вино разрешено будет лишь помещикам, имеющим не менее 50 душ. Мелкопоместные дворяне загоревали, а Харлампий Петрович «поехал в Полтаву, да и внес за своих умерших крестьян оброк, будто за живых. А так как своих, да и с мертвыми, далеко до пятидесяти не хватало, то набрал он в бричку горилки, да и поехал по соседям и накупил у них за эту горилку мертвых душ, записал их себе и, сделавшись по бумагам владельцем пятидесяти душ, до самой смерти курил вино и дал этим тему Гоголю, который бывал в Федунках, имении Пивинского, в 17 верстах от Яновщины*¹; кроме того, и вся Миргородчина знала про мертвые души Пивинского»²².

Другой местный анекдот вспоминает гимназический однокашник Гоголя: «В Нежине... был некто К-ачь, серб; огромного роста, очень красивый, с длинейшими усами, страшный землепроходец, — где-то купил он землю, на которой находится — сказано в купчей крепости — 650 душ; количество земли не означено, но границы указаны определенно. ...Что же оказалось? Земля эта была — запущенное кладбище. Этот самый случай рассказывал Гоголю за границей князь Н. Г. Репнин»²³.

Вероятно, рассказ этот Гоголь выслушал в ответ на просьбу снабжать его сведениями о разных «казусах», «могущих случиться при покупке мертвых душ», с которой он донимал всех своих родственников и знакомых, — возможно, именно эта история отозвалась во втором томе поэмы в реплике генерала Бетрищева:

«Чтоб отдать тебе мертвых душ? Да за такую выдумку я тебе их с землей, с жильем! Возьми себе все кладбище!»

Несмотря на тщательные изыскания, проведенные писателем, в плане Чичикова остались неувязки, на которые указал Гоголю после выхода поэмы Сергей Аксаков: «Я очень браню себя, что одно просмотрел, а на другом мало настаивал: крестьяне на вывод продаются с семьями, а Чичиков отказался от женского пола; без доверенности, выданной в присутственном месте, нельзя продать чужих крестьян, да и председатель не может быть в одно и то же время и доверенным лицом, и присутствующим по этому делу»²⁴. Женщин и детей недальновидный Чичиков не покупал, видимо, просто потому, что их номинальная цена была ниже, чем за мужиков.

ПОЧЕМУ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» — ПОЭМА?

Назвав свое главное произведение поэмой, Гоголь прежде всего имел в виду, что это не повесть и не роман в понимании его времени. Такое необычное жанровое определение проясняют наброски Гоголя к неосуществленной «Учебной книге словесности для русского юношества», где Гоголь, разбирая разные роды литературы, «величайшим, полнейшим, огромнейшим и многостороннейшим из всех созданий»²⁵ называет эпопею, способную охватить целую историческую эпоху, жизнь нации или даже всего человечества, — в пример такой эпопеи Гоголь приводит

*¹ Другое название имения Гоголей — Васильевка.

